

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 124.5

Е.В. Агафонова

СПЕЦИФИКА АРГУМЕНТАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ МОРАЛЬНЫХ (О)СУЖДЕНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-06-00119 А) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

Рассматривается проблема аргументации в моральной теории. Показано, что осуждение или вина, приписываемые субъекту ответственности, зависят от принципов, выбранных в обществе в качестве базовых основ морали. Предполагается, что нормативная аргументация напрямую связана с процедурой интерпретации – мотивов, действий, ситуации, норм, правил и принципов. В результате интерпретации может меняться характер и степень осуждения как на общенормативном уровне, так и в области специализированных юридических практик.

Ключевые слова: мораль; моральная ответственность; интерпретация; аргументация; осуждение; нормативность; юридический дискурс.

В статье «Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений» [1] выдвинуто предположение, что любой разговор о морали и поиске критериев добродетели следует начинать с определения субъекта моральной компетенции. Проблемы приписывания ответственности, вменения вины или заслуженное поощрение всегда предполагают некоего *Кто*, стоящего за тем или иным действием. В то же время действие, выносимое на суд морали, должно быть нами определено еще как моральное, неморальное или же аморальное. Это требование атрибуции действия кому-либо, а также идентификация самого действующего и его мотивов, могут оказаться проблемой.

Такой же проблемой может стать и подведение действия под категорию моральности, а самой сложной задачей – поиск критериев морали, которые могли бы служить базой для моральной аргументации. Весомость моральных (а также правовых) аргументов может оказаться под вопросом, если есть сомнения в правильной интерпретации действия или поступка. То есть аргумент может утратить свою силу, если дается неверное толкование происходящего: ошибочно толкуются мотивы или неверно понимается ситуация.

В связи с этим нами предполагается, что интерпретация действия как морального, т.е. определение соответствующих мотивов действующего, напрямую связана с процедурой аргументации, т.е. того, на чем строится обоснование действий. Дело в том, что традиционно интерпретация связывается с проблемой понимания, тогда как аргументацию считают соперничающей операцией и относят к объяснению, что помещает их в различные области обсуждения. Нам же следует показать, что поиск критериев или оснований морали, необходимый для аргументации как в теории, так и в повседневной практике, напрямую связан с интерпретацией действия, подпадающего под существующие правила, нормы и критерии. И наоборот, интерпретация как самого действия, так и его оснований требует аргументации как апелляции к

принципам, на основании которых мы судим о поведении. Мы попробуем рассмотреть аргументацию и интерпретацию как две взаимосвязанные и взаимозависимые процедуры при вынесении морального суждения / осуждения.

В данном случае предлагается сосредоточиться на самом действии: рассмотреть его, с одной стороны, как публичное (помещенное в исторический, культурный, социальный контекст) событие, с другой стороны, обратиться к его внутренним интенциям и мотивам, определяющим его моральность. Во втором случае мы обращаемся непосредственно к действующему, тому, кто является ответственным за свои поступки, кто обозначает себя в качестве виновника в конкретном случае, или же просто того, кто рассказывает о своей жизни. На том и другом уровне в качестве некой базы для обсуждения мы имеем пересечение и совпадение интересов аналитической философии, феноменологии и герменевтики.

Кроме того, это может вновь вернуть нас к анализу действия, берущему начало от аристотелевской идеи фронезиса (греч. φρόνησις) и его практического силлогизма. Аристотель действительно был первым, кто подробно занялся описанием понятий «предпочтительный выбор» и «обдумывание» действия, а также обратил внимание на согласованность поступков с рассуждениями. Преднамеренность действия, решение, которое принимается сознательно, – это основные позиции действующего и выбирающего. Исход действия Аристотель полагает в зависимости от выбора действующего и позиции, которую он займет. Правда, в рассуждении Аристотеля нет пояснений того, что вообще представляют собой человеческие действия (или действия, которые «зависят от нас»), т.е. не совсем понятно, отличает ли он их от принципа, внутренне присущего любому физическому движению. Обращаясь к сфере причинности, он пишет: «В самом деле, причинами принято считать природу, необходимость, случай, а кроме того, ум и все, что исходит от человека» [2. EN, III, 5, 1112 a]. Скорее, его отличие человеческого действия от физического

явления заключено именно в преднамеренности и сознательном решении, благодаря чему субъект конституирует себя как субъекта нравственного.

По-видимому, простое возвращение к Аристотелю невозможно, так как его философия действия построена на основе философии природы. Хотя сегодня мы также можем встретить мнение исследователей по этике, направленное на поиск параллелей между моральной и теоретической аргументацией, между объяснением фактов и моральным оправданием действия. Попытки наделить суждения в этике объективным значением часто приводят к необходимости трактовать утверждения морали как истинные или ложные и уподобить нормативные высказывания дескриптивным. «В этике, как и в науке, непроверяемые и противоречивые свидетельства личного опыта (чувства или эмоции) заменяются суждениями, нацеленными на универсальность и беспристрастность, – суждениями о “подлинной ценности”, “подлинном цвете”, “подлинной форме” объекта, раньше чем форма, цвет или ценность будут приписаны на основе только непосредственного опыта» [3. С. 125].

Мы не будем сейчас включаться в полемику скептиков и когнитивистов в отношении морали. Спор о значении и истинности моральных суждений ценен для нас только в том плане, что кажется разумным предположить некоторую объективную значимость морали в нашей социальной практике и произвольность нашего морального выбора. Мы в повседневной практике сохраняем некоторую убежденность, что мораль не может быть лишь результатом наших субъективных предпочтений, даже если не способны привести более или менее основательных аргументов.

Далее следует говорить скорее об инициативе и вмешательстве действующего в ход вещей в мире, о его ввязывании в события и привнесение изменений своим «я должен» и «я могу». Аргументация и критика в области морали могут служить изменению не только суждений, но и образа действия. Представление действующего и его окружения о том, что он в силах совершить, и о возможных результатах вмешательства позволяет соотнести «Я» со всей совокупностью совершенных им поступков (будь они мыслями, действиями или речами), т.е. приписать субъекту определенные действия. При этом субъект совершаемого действия всегда оказывается как бы перед «судом», где ему будут приписана ответственность и вынесен вердикт. «Чувство вины и долга выводят за пределы того, что частным образом затрагивает отдельного человека в той или иной ситуации. Если бы чувственные реакции, направленные в определенных ситуациях против отдельных лиц, не были связаны с *неличным* протестом, который обращается против нарушения общих поведенческих ожиданий и норм, они были бы лишены морального характера» [4. С. 76]. Моральный поступок есть, таким образом, результат межличностных отношений, в которые мы включены, это один из способов самоопределения Я по отношению к Другому.

Можно сказать, что определение действия как морального и приписание ответственности есть часть повседневной практики общения. П.Ф. Стросон в ра-

боте «Свобода и ресентимент», изданной в Лондоне в 1974 г., утверждает: «Обязанность человека участвовать в обыденных межличностных отношениях, думаю, слишком основательна и слишком глубоко укоренена, чтобы мы всерьез размышляли о том, что какое-нибудь всеобщее теоретическое убеждение сможет настолько изменить наш мир, что в нем больше не будет каких бы то ни было межличностных отношений, как мы их обычно понимаем...» [5]. Еще один исследователь в области этики А. Макинтайр утверждает, что моральная философия тесно пересекается с областью социальных наук и отказ от рассмотрения социальных аспектов морали означает решительный отказ от моральной философии. «Потому что моральная философия предлагает, явно или неявно, по крайней мере, частичный концептуальный анализ отношения субъекта к его резонам, мотивам, намерениям и действиям и тем самым предполагает, что эти концепции могут быть воплощены в реальном социальном мире. Даже Кант, который, судя по всему, иногда ограничивал мораль внутренней сферой ноуменального, делал противоположные выводы в своих сочинениях по праву, истории и политике» [6. С. 35].

Безусловно, вменение вины или одобрение, негодование и благодарность не должны рассматриваться как исходные пункты или основания морального действия (ориентация на реакцию окружения или страх наказания скорее характеризуют действие легальное, что Кант не относил к морали вообще), но они все же могут являться сопутствующими элементами действия, а лучше сказать, результатом интерпретации социального действия. Поль Рикер в одном из эссе своей книги «Справедливое», сопоставляя истину и справедливость, пишет: «...в истории существуют ситуации, когда необходимо понимать не осуждая или одновременно понимать и осуждать...» [7. С. 200]. Он, конечно, не настаивает на отождествлении истинностного измерения рефлексии и бдительности, основанной на требовании справедливости, но говорит об их пересечении. «Рефлексия о действии и его изнанке, претерпевании, не может не накладываться на моральные суждения в ситуации, когда воздействие активной стороны на пассивную связано с нанесением ущерба и причинением вреда, и в силу этого должно оказываться предметом неусыпной бдительности морального суждения».

Немаловажную роль играет аргументация, которую приводит действующий в свое оправдание, или на которую опираются те, кто берет на себя ответственность «судить» о моральности поступка и нравственности действующего субъекта. Когда С. Тулмин пишет о способе обоснования нормативных предложений и форме аргументации, приводимой нами и критериях весомости оснований, он задается вопросом: «Какого рода аргументы и доводы достаточны для нас, чтобы высказаться в поддержку того или иного морального решения?» [3. С. 64]. В данном случае аргументация также не может являться частью самого морального действия, но она становится необходимой, когда действие выносится за рамки частного события и становится публичным (даже в момент самообъяснения, когда субъект пытается оправдать дей-

стве перед самим собой). Аргументация действующего как некая «речь-оправдание» эксплицирует те принципы, которые считаются в обществе общепринятыми и принимаются в качестве моральных оснований. Аргументация служит местом связывания Я и окружения (ближними и отдаленными другими) и одновременно отсылает к универсализирующим принципам, которые делают возможным достижение согласия в моральных дискуссиях. Аргументация является социальным действием, поскольку направлена на собеседника-оппонента и предполагает его ответную реакцию. Аргументативные средства нацелены, в первую очередь, на продолжение коммуникации и достижение взаимопонимания. Это акт коммуникации, вовлекающий обе стороны дискуссии в активную полемику и предполагающий понимание точки зрения оппонента и интерпретацию его позиции. Предполагается, что моральная герменевтика, в свете продолжающейся дискуссии концепций, также представляет коммуникацию и требует обращения к интерпретации и аргументации в их взаимном обращении. Взаимодополнительность этих двух операций может проследиваться и на так называемом прогрессивном пути, когда действие подводится под определенную норму, а сама норма сводится к основополагающему принципу (движение «вверх» от морали обязательств к основам этики), а также на регрессивном пути от принципа к норме и ее осуществлению (движение «вниз», где этика распределяется между различными областями своего применения). В любом случае нам требуется интерпретация не только действия, но и норм, и самих принципов, в рамках которых мы говорим о правильности поступка. Также можно заметить, что осуществленное действие требует аргументации как оправдания через ту же нормативность и правильность, которые, как предполагается, релевантны данному случаю.

Обращение к феномену аргументации в первую очередь определено тем интересом, который вызвали перспективы рассуждения, обоснования и убеждения в гуманитарных науках. К середине XX в. теория аргументации становится самостоятельной дисциплиной. Интерес к исследованию коммуникативной силы языка спровоцировал всплеск новых идей в аргументационной теории, неудовлетворенной средствами формальной логики: это «новая риторика», разработанная Х. Перельманом и Л. Олбрехт-Тытекой, теория речевых актов Д. Остина и Д. Серля, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, прагматическая теория аргументации амстердамской школы. В различных трактовках аргументации можно выделить как минимум две общие черты. Это, во-первых, «адресованность» и «авторство» аргументации, которые противопоставлены «безликому» и «безадресному» доказательству. Во-вторых, подчеркивается «нежесткий», «невынуждающий» характер аргументации, что отличает ее, с одной стороны, от «механического» доказательства, с другой стороны, от вербальных способов воздействия, не допускающих несогласия (данные черты можно проследить в работах брюссельского исследователя Х. Перельмана и пенсильванского – Г. Джонстона). То есть аргумен-

тация, конечно, связана с логическим доказательством, но гораздо шире его, так как последнее по преимуществу безлично и монологично. В аргументации же большую роль играют волевые и эмоциональные факторы, нравственные установки, привычки, социальные позиции дискутирующих. «Аргументация всегда адресуется лицом, называемым оратором, независимо от того, является ли он говорящим или пишущим, аудитории слушателей или читателей. Ее цели – достижение или усиление приверженности аудитории некоторому тезису, согласие с которым надеется получить оратор» [8. С. 18]. С точки зрения Джонстона фигура адресата не может быть пассивной в дискуссии и также имеет важное значение, поскольку под воздействием аргументов есть риск изменить мнение, поведение, взгляды. Не принять рациональную аргументацию для него – это все равно, что «закрывать для нее свой разум»: «...подлинная аргументация может иметь место только тогда, когда респондент не является ни бесстрастным, ни пассивным по отношению к тому, что говорит аргументатор. Она может иметь место только тогда, когда респондент сам заинтересован в результате аргументации, т.е. когда респондент подвергает себя риску» [9. С. 4].

Коммуникативный характер аргументации и разумность собеседников выделяются в качестве основного пункта и в более поздних разработках теории. Так, современные представители амстердамской школы Франс ван Еемерен и Роб Гроотендорст считают, что «важной характеристикой аргументации является то, что она всегда является специфичной точкой зрения или взглядом на определенную проблему. Говорящий или пишущий защищает эту точку зрения с помощью аргументации, обращаясь к слушателю или читателю, который сомневается в ее приемлемости или имеет другую точку зрения. Аргументация направлена на убеждение слушателя или читателя в приемлемости своего взгляда». Далее они пишут: «Когда кто-то прибегает к аргументации, этот человек делает неявное обращение к разумности: он или она молчаливо предполагает, что слушатель или читатель будет выступать в качестве разумного критика при оценке аргументации. В противном случае не было бы никакого смысла в продвижении аргументов» [10. С. 2].

Мы можем позаимствовать обобщенное определение понятия аргументации у Еемерена и Гроотендорста для наших дальнейших целей. Они пишут: «Аргументация является вербальной, социальной и рассудочной деятельностью, направленной на убеждение или разумную критику приемлемости чьей-либо точки зрения, путем выдвижения совокупности пропозиций, обосновывающих или опровергающих положения, выраженные в данной позиции. <...> В принципе, аргументация – это речевая деятельность, которая осуществляется с помощью использования языка, это социальная активность, которая, как правило, направлена на других людей, и это рациональная деятельность, которая по большей части базируется на основе интеллектуальных соображений» [10. С. 1, 2].

Итак, большинство исследователей в области аргументации сходятся во мнении, что данная теория не

ограничивается сферой формальной логики и ее следует также развивать в форме «неформальной» (или, как еще говорят, «информальной») логики. Так, в области морально-практических вопросов вряд ли можно достичь согласия лишь при помощи дедуктивных выводов и эмпирических демонстраций. Например, Ю. Хабермас утверждает: «В той мере, в какой аргументы обладают принудительной силой на основе отношений логического следования, они не влекут за собой ничего субстанциально нового; а той мере, в какой они обладают субстанциальным содержанием, они покоятся на опытах и потребностях, которые могут быть по-разному интерпретированы в свете меняющихся теорий, в свете меняющихся дескриптивных систем, и потому не обнаруживают какого-либо предельного основания. <...> В практическом дискурсе требуется соответствующий связующий принцип» [4. С. 99].

Итак, моральная аргументация, во-первых, требует введения некоего морального принципа, который будет играть ту же роль, что и индуктивный принцип опытных наук. И вопрос тогда в том, возможен ли вообще такой принцип в сфере этики? Во-вторых, когда дело касается отдельных поступков, которые еще только требуют моральной оценки в сопоставлении с принципом, то мы попадаем в сферу мотивов, намерений и обстоятельств. А это уже отсылает нас к необходимости интерпретации поступка. И в той мере, в какой поступок, в том числе и моральный, отсылает нас к мотивам, мы возвращаемся к довольно старой теме соотношения понимания и объяснения в философском споре о методологиях гуманитарных и естественных наук. Мы не будем сейчас разбирать вопросы о том, может ли мотив рассматриваться как причина совершенного действия, каково место причинности и разумности в морали, а также вопрос о том, является ли этика наукой. Эти вопросы вызвали уже достаточное количество споров и оставили массу нерешенных проблем. Мы будем исходить из положения, что вопрос о рациональности морали хоть и остается непроясненным до конца, но все же большинство исследователей в области этики сходятся в установке об осмысленности и разумности нормативного поведения.

Итак, в повседневной жизни мы часто прибегаем к процедурам аргументации и интерпретации, когда сталкиваемся с ситуациями, которые еще только должны быть определены как моральные, легальные, преступные, аморальные или вовсе нейтральные. Одновременно с этим в области исследований по этике мы встречаемся с теориями, где нормативный дискурс требует апелляции к аргументам (к общим универсальным принципам или основаниям), а также к интерпретации самих принципов и правил морали. Именно в этом, по мнению Макинтайра, аналитической моральной философией был сделан существенный вклад: были предприняты попытки выдвинуть рациональные принципы и предоставить аргументацию, к которым можно было бы апеллировать сторонам, участвующим в конфликте [6. С. 333].

Безусловно, разработка и выдвигание аргументационных основ этики дело рук не только аналитических философов. Каждая концепция морали формулирует и в дальнейшем опирается на те или иные

принципы, нормы, правила, которые используются для подтверждения и убедительности своих тезисов. Ю. Хабермас утверждает: «Если бы моральные суждения не смели выдвигать притязания на всеобщую значимость, теория морального развития, с ее намерением указать всеобщие пути этого развития, с самого начала была бы обречена на неудачу» [4. С. 180].

Таким образом, если предположить, что наши моральные суждения есть всего лишь выражение чувств и установок, то любая рациональная аргументация сводится к декларации субъективной позиции и предпочтений говорящего. А любая апелляция к значимому рациональному оправданию и отсылка к объективным надличностным моральным стандартам невозможна в силу отсутствия таковых. В этом смысле, если эмотивизм как теорию значения признать верным, то все моральные разногласия и дебаты как в теориях, так и в жизненной практике окажутся неразрешимыми и незавершенными. Существование в этике, а в частности в аналитической моральной философии, множества течений, несовместимых с эмотивизмом, скорее говорит о неудаче данного направления, хотя и демонстрирует, что эмотивизм все же не сошел со сцены. Во всем разнообразии подходов и направлений в этике иногда прослеживается общая тенденция в их попытке показать, что само понятие рациональности уже дает моральной философии некое основание и право для отказа от эмотивистских представлений (мы можем говорить в данном случае, например, о подходах Хэйра, Роллза, Донегана и др.). Проблема в том, что авторы данных подходов не могут прийти к согласию по поводу понятия «рациональность» и о том, какой характер должна носить рациональность в морали. И все же мы можем утверждать, что эмотивизм не является продуктивной теорией в рамках разговора о морали, и будем исходить из предположения, что в моральных суждениях выражаются не только случайные чувственные установки и предпочтения субъективного характера. Требуется как минимум принять, что какая-либо значимая норма могла бы найти одобрение со стороны задействованных лиц, если бы они принимали участие в практической дискуссии. Хороший аргумент есть такой аргумент, который может быть не только понят, но и принят как приемлемый и правдоподобный заинтересованными сторонами. Достижение консенсуса относительно того или иного правила есть процедура, необходимая для идентификации действия и, следовательно, неотделимая от интерпретации. При этом интерпретация требуется при толковании как принципа, на котором основывается моральное (*о*)суждение, так и самого действия, его мотивов, которые еще только нужно определить как моральные, неморальные либо аморальные.

В данном случае мы не беремся определить, какой из принципов этики является наиболее весомым при ведении моральной дискуссии, а только хотим показать, что апелляция, например, к идеям «достоинства», «уважения», «справедливости», «блага» и т.д. еще требует интерпретации этих идей и согласия по поводу их трактовки. Ошибки трактовки и конфликты по поводу интерпретаций в области, регулируемой

нормами взаимодействия, как раз и возникают в связи с нарушением нормативного согласия. Интeрcубъeктивнoe признание и согласие возможны при обращении к принципу, который имеет наиболее обобщенную и формальную природу. При этом предполагается, что участники дискуссии, с одной стороны, рациональны и действия их более или менее осмысленны (с другой стороны, как мы уже рассматривали, само понятие рациональности тоже является предметом непрекращающихся дискуссий). Формальность формулировок и их отвлеченность от конкретного содержания должны в некотором смысле обеспечить большую степень согласия в отношении основных принципов. Но, тем не менее, сколь бы отвлеченно не звучал принцип, это не исключает необходимости дополнительного прояснения. Например, кантовский императив «относись к другому как цели самой по себе и никогда как к средству» не проясняет того, что значит «цель сама по себе», и также требует интерпретации. А принципы «пользы» и «результативности» консеквенциализма и утилитаризма вообще не выдерживают никакой критики, несмотря на бесконечно приводимые примеры действительности этих принципов в конкретных ситуациях. Таким образом, то, что используется в этике в качестве универсализирующего принципа, на который опираются для обоснования действия или нормы, само еще должно быть обосновано в качестве такового.

И если мы подняли тему морального осуждения, аргументации и интерпретации, то кажется уместным использование примеров из стратегий, применяемых специалистами в юридическом дискурсе. Так, например Роберт Алексии и Мануэль Атьенс трактуют юридическую аргументацию как особый случай общей нормативной практической дискуссии. И тогда именно из практической аргументации мы исходим как из некоего основания, но сами юридические случаи могут выступить более конкретизирующим примером в определенной ситуации принятия решений. Если бы юридическая аргументация не имела в качестве своего горизонта общий нормативный дискурс, то идея рациональной аргументации не имела бы смысла. Юридическая практика в качестве прикладного применения этики, может рассматриваться не просто как практический пример, но и служить сферой углубления и расширения проблематики моральной теории за счет так называемых *hard cases* (трудных случаев).

Например, если говорить о правилах и принципах, вполне уместно привести различие, которое делает Р. Дворкин, говоря о теории права. В данном случае «судебное предприятие» нас будет интересовать в том плане, что *hard cases* в судебном разбирательстве заставляют обратиться к более широкому этико-политическому горизонту, рассматриваемому дело в историческом развертывании. Дворкин, проводя различие правил и принципов в одной из глав своей книги «О правах всерьез» («Taking Rights Seriously»), утверждает, что основной характеристикой правил служит их однозначность. Решению же трудных дел чаще способствуют принципы. Они не определяются своей генеалогией, т.е. не зависят всецело от того, что

было их источником (обычай, власть, прецедент), но идентифицируются по свойственной им нормативной силе. «Обе системы положений указывают на конкретные решения по поводу правовых обязательств в отдельных случаях, но они отличаются по характеру того, как они направляют. Правила применяются бескомпромиссно. Если имеются факты, предусмотренные правилом, то либо правило имеет силу, и в этом случае решение по поводу фактов будет принято, или правило не имеет силы, и в этом случае не вносится никаких решений. <...> Но это не тот путь <...> каким действуют принципы <...>. Даже в случаях, наподобие ситуации с правилами, правовые последствия, на наступают автоматически, даже если все предусмотренные условия будут выполнены <...>. Принципы имеют измерение, которого не имеют правила – их весомость или важность. Когда принципы пересекаются <...> тот, кто призван разрешить конфликт, должен учитывать относительный вес каждого <...>. Правила не имеют такого измерения» [11. С. 24f]. Именно различие правил и принципов вносит существенный вклад в герменевтическую теорию принятия судебных решений. Устоявшейся системой правил право как политическое предприятие не исчерпывается. Правовая практика, опирающаяся на аргументацию как на свою сильную юридическую сторону, приобретает интерпретативный характер, каждый раз решение принимается заново, взвешивается и оценивается. Именно этико-политический характер принципов исключает их однозначность.

Вообще, применение правила в юридической практике является довольно сложной процедурой квалификации: с одной стороны, это интерпретация фактов, с другой стороны, интерпретация норм, которые взаимно друг друга обуславливают. В качестве результата такой операции утверждается, что какое-либо преступное поведение (которое, кстати, еще только должно быть квалифицировано как таковое) подпадает под ту или иную норму, которая квалифицируется как нарушенная. Здесь вопрос может заключаться в следующем: действительно ли возможно распутать все нити личной истории подсудимого, выявить подлинные мотивы и последовательность событий и действий? Тот или иной способ «прочтения» его личности и последовательности фактов помещает случай под то или иное правило. Пересмотр дела, выявление новых фактов, событий личной жизни обвиняемого ведут к необходимости применить иное правило. Определить, что «а» является частным случаем «D», означает подвести его под определенное правило. Правда, сторонники аргументации иногда высказываются за введение дополнительных правил. Так, Р. Алексии высказывается в этом отношении: «Когда есть сомнение в вопросе о том, является ли “а” случаем “Т” или “М”, то необходимо изобрести правило, решающее этот вопрос» [12. С. 226]. Действительно правило универсализации не имело бы смысла, если бы не существовало способа убедиться в том, что «а», «b» и «с» представляют частные случаи «D». Таким образом, интерпретация тесно вплетена в процедуру аргументации уже на уровне «внутреннего оправдания» (термин, введенный Алексии и означающий логиче-

скую связность вывода), когда одновременно необходима интерпретация и нормы, применяемой к случаю, и случая, подпадающего под эту норму, для построения так называемого юридического силлогизма.

Интересно, что в повседневной жизни, когда мы предъявляем кому-то свои претензии или обвиняем в нарушении моральной нормы, мы действуем приблизительно также. Обида или гнев как реакция на оскорбление могут утихнуть, когда нам становятся известны новые факты из жизни обидчика. Переистолкование его поведения ведет к отнесению его поступка или действия к иной норме. К тому же следует убедиться, что мы имеем общие установки в отношении правил и принципов, что требует обсуждения аргументов, подтверждающих учиненную несправедливость. П.Ф. Стросон в работе «Свобода и рессантимент» приводит некоторые наблюдения относительно морального осуждения и оправдания. Так, например, он описывает ситуацию: «Если кто случайно наступит на мою руку, пытаясь помочь мне, боль может быть не менее острой, чем если бы он наступил на нее в презрительном игнорировании моего существования или со злобным желанием ранить меня». Или «если кто-то совершает действия, которые помогают мне в том, в чем я заинтересован, и выгода была бы мной получена в любом случае, то это одно; но если он намеревался действовать так, чтобы помочь мне, потому что это было выражением его благосклонности по отношению ко мне, то было бы разумным чувствовать благодарность, которую я не должен чувствовать вообще, если бы помощь была случайной, непреднамеренной или даже из жалости, была некоторым планом действия, совершенным с другой целью» [5]. Ориентация на мотивы действующего в данном случае помогает прояснить ситуацию, изменяет чувства пострадавшего и влияет на общее мнение. Но доступ к мотивам не представляется возможным, если мы не обращаемся к речи-оправданию или извинению осуждаемого, или не узнаем какие-либо факты его жизни.

Таким образом, переинтерпретация действия возможна только при условии совместной коммуникативной практики, в которую вовлечены пострадавший и обидчик. Причем предполагается, что упрекам обиженного отвечают угрызания совести совершившего несправедливость и признание того, что в лице потерпевшего ущемляется, в то же время, некое неличное или надличностное право. То есть отсылка к некоторым универсальным нормативным ожиданиям необходима в качестве аргументационного основания взаимодействия индивидов. Возмущение, одобрение или какая-либо иная чувственная реакция в рамках отдельной ситуации возможны только тогда, когда предполагаются общие принципы морального характера, разделяемые участниками. И только претензия на всеобщую значимость придает частному интересу, индивидуальной воле или норме достоинство морального авторитета [Там же].

Таким образом, в качестве результата нами утверждается, что аргументация и интерпретация накладываются друг на друга там, где мы имеем пересечение восходящего и нисходящего путей в этике. То есть

там, где говорится о переходе от случая к норме или принципу, и там, где речь идет о применении нормы к определенному случаю. Как правило, второй вариант («нисходящий») чаще встречается при построении моральных теорий и разработке всевозможных этических систем. В этом случае требуются определение и обоснование универсального принципа в качестве основного морального аргумента. Именно в этом видится непосредственная задача этики – разработка формальных принципов морали и построение рациональной аргументации. Безусловно, это не исключает интерпретации самих принципов и достижения консенсуса в отношении его толкования и применения.

Если же речь идет о «восхождении» от случая к общему принципу, здесь скорее мы сталкиваемся с областью прикладных этик, задача которых видится в прояснении и уточнении принципов при столкновении с единичным случаем или ситуацией. Тогда основная задача – это определение того, подпадает ли случай под определенную норму. Или можно сказать, что при построении аргументации проблема в том, чтобы «подыскать» правило, под которое подпадает некий факт, предположительно правильно описанный. При этом интерпретации подвергается и сам факт, и релевантный ему принцип. То есть интерпретация оказывается плотно вплетенной в процедуру аргументации уже на уровне логической связности между предпосылками и заключением, а сила аргументации напрямую оказывается связана с верным толкованием как фактов, так и принципов.

Помимо обращения к этическим теориям, в которых утверждаются принципы и разрабатывается моральная аргументация, тесная связь аргументации и интерпретации наблюдается в области повседневной практики, связанной с коммуникацией и взаимопониманием. Здесь моральное осуждение опирается на понимание и интерпретацию мотивов и намерений того, кто совершает несправедливое деяние. От верной интерпретации здесь зависят определение субъекта моральной ответственности и приписание вины. Изменение нашего взгляда на ситуацию, как правило, может быть связано с новой интерпретацией фактов и аргументов. Это возможно, если сохраняется некоторая убежденность, что в совместной жизненной практике мы разделяем наши взгляды на то, что считать приемлемым или неприемлемым в сообществе, и опираемся на нормы, которые предположительно не являются произвольными. Именно социальный и коммуникативный характер морали предполагает не только формальное доказательство правоты, но и аргументацию, нацеленную на достижение согласия и взаимопонимания сторон, что само по себе не исключает рациональную критику аргументов и выдвижение альтернативных доводов. Достижение же консенсуса в отношении моральных норм невозможно без предвзвешенной процедуры интерпретации принципов морали, как например, прояснение того, что мы имеем в виду под понятиями «долг», «справедливость», «благо», «нравственная личность» и т.д.

Таким образом, аргументация в моральном дискурсе имеет смысл, если имеется некоторая договоренность об основных правилах и принципах. Не-

писанный характер морали требует консенсуса на уровнях не только теоретическом и прикладном, полагается, что соглашение должно быть принято также и на уровне повседневных практик. Характер моральных разногласий, как правило, связан с апелляцией к различным принципам, которые должны служить основанием для вынесения моральных суждений.

Помимо этого, одни и те же принципы могут быть по-разному истолкованы. Проявление и толкование принципов – это дело теорий этики, в которых сегодня также нет согласия по поводу базовых установок. Тогда начинать надо не с интерпретации действия как морального или неморального, а рассмотреть харак-

тер самих принципов, используемых при аргументации. Возможно, некоторые принципы, утверждаемые в тех или иных теориях, вообще не имеют никакого отношения к морали и ее целям. К тому же во многих современных концепциях субъект моральной ответственности рассматривается как изолированный от окружения и увлеченный собственными интересами. То есть упускается главный момент – коммуникативная основа морали, ее укорененность в повседневной практике, обыденных установках и интуициях. С учетом этого предполагается, что есть необходимость пересмотреть и сопоставить имеющиеся концепции с целью прояснения их основных принципов и определения возможности их совмещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова Е.В., Тарабанов Н.А., Кручинин Э.А. Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 48–56. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1031&article_id=10401 (дата обращения: 21.09.14).
2. Аристотель. Никомахова этика. М. : ЭКСМО-Пресс, 1997. URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 21.09.14).
3. Toulmin St.E. An examination of the place of reason in ethics. Cambridge at the university press, 1953.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001.
5. Strawson P.F. Freedom and resentment // The Determinism and freedom philosophy website. URL: <http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm> (дата обращения: 21.09.14).
6. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М. : Академ. проект, 2000.
7. Рикер П. Справедливое. М. : Гнозис ; Логос, 2005.
8. Perelman Ch. The idea of justice and the problem of argument. London, 1970.
9. Johnstone H. Validity and rhetoric in philosophical argument. An outlook transition. Pennsylvania, 1973.
10. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. Systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach. Cambridge university press, 2004.
11. Dworkin R. Taking Rights Seriously. London : Duckworth, 1978.
12. Alexy R. A Theory of Legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification. Oxford : Clarendon Press, 1989.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 9 октября 2014 г.

REASONING AND INTERPRETATION IN MAKING MORAL JUDGMENTS

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 56-63.

Agafonova Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agaton1810@gmail.com

Keywords: morality; moral responsibility; interpretation; reasoning; condemnation; normativity; legal discourse.

The problem of attributing responsibility, imputation of guilt or encouragement always involves a subject who performs an action. The requirement for the attribution of an action to someone, the identification of the actor and its motivation can be a problem. Definition of the action in terms of morality can also be a problem, but the most difficult task is the search for the criteria of morality as such. It is assumed that the interpretation of an action and the definition of a subject are directly related to the procedure of reasoning. Conversely, the search for the criteria of morality, norms, grounds for reasoning depends on the interpretation of actions and situations. The action can be regarded, on the one hand, as a public event and, on the other hand, it is a list of motives, intentions, goals. Moral philosophy, thus, closely overlaps with the area of social sciences. Moral reasoning is part of the daily communication practice. Reasoning is believed to aim primarily at the continuation of communication and mutual understanding, which suggests agreement on general principles and rules. The communicative nature of reasoning and interlocutors' rationality stand out as the main characteristics of discussion. It is further argued that reasoning and interpretation overlap one another at the crossing of the ascending and descending ways in ethics, that is in the transition from a case to the rule or principle, or in the application of the rule to a particular case. As a rule, the second option (descending) prevails in the construction of moral theories and development of various ethic systems. In this case, the definition and justification of the universal principle as the main moral reason is the immediate task of ethics. This certainly does not preclude the interpretation of the principles themselves and development of a consensus on its interpretation and application. When talking about the ascending from an individual case to the general principle, we face applied ethics. The task of applied ethics is in the clarification and refinement of the normative principles when they come into conflict with a separate incident or situation. Their task is to determine whether the case is covered by a certain rule. We can also say that the problem of the construction of reasoning is to "find" a rule covering a fact which, theoretically, is correctly described. In this case, the fact and the relevant principle must be interpreted. Interpretation is tightly woven into the process of reasoning at the level of logical connection between the premises and the conclusion. In the daily practice moral condemnation is based on the understanding and interpretation of the motives and intentions of the subject who has committed an unjust act. The new interpretation of the facts and arguments that the "condemned" adduces in their own defense can change our view on the situation. In this case, we need some assurance that we are in common practical life where our views on what is acceptable or not acceptable in the community always coincide. We rely on the rules that, supposedly, are not arbitrary. It is the social and communicative nature of morality that involves not only the formal proof of correctness, but also the reasoning aimed at achieving agreement and understanding.

REFERENCES

1. Agafonova E.V., Tarabanov N.A., Kruchinin E.A. The problem of the subject of moral competence: the nature of moral identity as the basis of decision-making. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univerteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 380, pp. 48-56. Available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1031&article_id=10401. (Accessed: 21st September 2014). (In Russian).
2. Aristotle. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 1997. Available at: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>. (Accessed: 21st September 2014).
3. Toulmin St.E. *An examination of the place of reason in ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1953.
4. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001. 380 p.
5. Strawson P.F. *Freedom and resentment*. The Determinism and freedom philosophy website. Available at: <http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm> (Accessed: 21st September 2014).
6. MacIntyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue: Studies of moral theory]. Translated from English. Moscow: Akadem. Proekt Publ., 2000. 384 p.
7. Ricoeur P. *Spravedlivoe* [Justice]. Translated from French. Moscow: Gnozis; Logos Publ., 2005. 304 p.
8. Perelman Ch. *The idea of justice and the problem of argument*. London: Routledge & Kegan Paul, 1970.
9. Johnstone H. *Validity and rhetoric in philosophical argument. An outlook transition*. Pennsylvania, 1973.
10. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. *Systematic theory of argumentation: The pragma-dialectical approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
11. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. London: Duckworth, 1978.
12. Alexy R. *A Theory of Legal argumentation: the theory of rational discourse as theory of legal justification*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Received: 9 October 2014